

Правительство Новосибирской области
Сибирский институт управления — филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет»
Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук
АНО «Историческое общество
Сибирского федерального округа»

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
В РОССИИ И ЕЕ РОЛЬ
В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Материалы межрегиональной научно-практической
конференции, посвященной 100-летию
Великой Октябрьской революции

23—24 ноября 2017 г.

НОВОСИБИРСК
2017

ББК 63.3(2)611я431
О 525

Ответственный редактор:

О. В. Симагина — доктор экономических наук, доцент, заместитель директора
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС

Научный редактор:

В. И. Шишкин — доктор исторических наук, профессор, заведующий и главный научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН

О 525 Октябрьская революция 1917 года в России и ее роль в мировой истории : материалы межрегиональной науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 23—24 ноября 2017 г. / под науч. ред. В. И. Шишкина. — Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2017. — 387 с.

ISBN 978-5-8036-0837-0

В настоящий сборник вошли материалы участников Межрегиональной научно-практической конференции «Октябрьская революция 1917 года в России и ее роль в мировой истории», посвященной 100-летию Великой Октябрьской революции.

Авторы рассматривают предпосылки и причины Октябрьской революции, масштабы участия в ней социальных низов и радикальное обновление элит; глубину преобразований государственного строя, экономической сферы, социальной структуры и культуры населения, влияние на судьбы народов бывшей Российской империи и на мировое развитие, а также генезис российской контрреволюции.

ББК 63.3(2)611я431
**© ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», 2017**

ISBN 978-5-8036-0837-0

О. Таркус

*Центр документирования и изучения культуры левых течений,
Национальный университет Сан-Мартин, Национальный совет по
научным и техническим исследованиям (г. Тарапото, Перу)*

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АРГЕНТИНЕ. 1917—1930 ГГ.

Радостная новость о Русской Революции облетела всю Латинскую Америку со скоростью телеграфной молнии. Наиболее значительные последствия это вызвало в Аргентине, где проживала многочисленная русско-еврейская диаспора, из числа которой в страну Советов отправились первые гости. Также в Аргентине на общенациональном уровне действовало организованное рабочее движение, которое состояло из анархистской и профсоюзно-революционной ветви, «FORA» (Региональная аргентинская рабочая федерация), представители которой хотели воочию увидеть практическое воплощение программы советов по социальной эмансипации. Социалистическая партия поддержала Февральскую революцию, но не одобрило захват власти большевиками. В левом крыле партии случился раскол, который привел к созданию в январе 1918 г. первой коммунистической партии в Латинской Америке, в то же самое время другие фракции требовали присоединения к Коммунистическому Интернационалу в составе Социалистической партии. Почти все писатели и художники, рожденные в 1900-х гг., а именно на это поколение наложила отпечаток Великая война, воодушевленно поддерживали реформу высшего образования и Русскую революцию в бесчисленных молодежных журналах и новых изданиях.

Радостная новость об Октябрьской революции облетела весь мир со скоростью телеграфной молнии. Даже в самых отдаленных уголках планеты публика жадно поглощала вести ежедневной прессы.

После нескольких злосчастных лет Великой войны события в России пролили свет надежды, прежде всего, в среде городских и сельских тружеников, студентов и женщин и были подхвачены художниками и писателями. Отныне революция не была отдаленным обещанием спасения, став здесь и сейчас свершившимся фактом, детерминированным в пространстве и времени. Эта революция создавала опытную базу не только для построения социального порядка экономической эмансипации, но также, устанавливала новый культурный порядок и новую мораль в отношениях полов.

Русская революция не могла не привлекать писателей и интеллектуалов. Во многом из-за того, что, в отличие от других известных в истории революций, она представлялась не полностью спонтанным явлением, но революцией «предсказанной» марксистской теорией. Ее великие творцы такие, как Ленин и Троцкий, Бухарин и Луначарский, были не только управителями масс, но и великими мыслителями. Культурное сообщество по всему земному шару жадно следило на этой первой в истории «теоретической революцией». Благодаря текстам того времени в обиход впервые вошла лексика обновленного политического языка, а именно такие слова, как «совет» и «советская система», «меньшевики» и «большевики», «народные комиссары» и «Совнарком», «Красная армия», «Белая армия», «двоевластие» и «восстание», «революционное пораженчество» и самоопределение народов», «финансовый капитал» и «империализм». Вплоть до Китайской революции 1949 г. или Кубинской революции десятилетиями позже гипотетический мировой революционер был настолько завоорожен мощным магнетизмом процессов в России, что все радикальные движения, возникшие позже, оценивались сквозь призму событий и персоналий советской ветви. Правые и левые в латинской Америке ревностно искали местных Керенских и Мартовых, Лениных и Корниловых.

«Красное трехлетие»

Будучи полностью встроенный в мировую капиталистическую систему Аргентина не могла избежать превратностей становления «короткого XX века», случившегося по Хобсбауму в Первую мировую войну и Русскую революцию [1]. С 1919 по 1921 годы страна пережила «красное трехлетие» с не меньшей интенсивностью, чем Германия, и Венгрия, Италия и Россия того же времени.

Как отметил Андреаш Душвэк, печальные события тех лет такие, как Трагическая неделя и забастовки в Патагонии не могут быть поняты до конца вне контекста национальных и международных феноменов политической радикализации, социальной поляризации и революционной фантазии. Душвэк собрал документальные свидетельства того, насколько глубоко аргентинское забастовочное движение было пропитано иллюзорными представлениями о советском строе, которые не только стали гравитационным центром в среде революционных синдикалистов Аргентинской региональной Рабочей Федерации (FORA) IX Съезда (и ее приемника Аргентинского профсоюзного Объединения, USA), но и оказали влияние на FORA V Съезда (анархо-коммунистического), многих сторонников которого более ортодоксальные анархисты, буквально, клеймили как «анархо-большевиком» [2].

В коммунистической историографии, где левые социалисты усердно представляются единственной структурой, вторившей Октябрьской революции, равно как и в анархистской, из которой большевики попросту вычеркнуты, прослеживается их вклад в развитие этих событий. Кроме того, историография реформы высшего образования, очерченная в туманном облаке прогрессистской и латиноамериканистской идеологии, оставляет в тени значительное большевистское влияние на реформистов в Кордове, Буэнос-Айресе и Ла-Плате [3]. Хотя и есть частичные и примерные соображения [4], на данный момент нет исследований, которые раскрывали бы важность влияния Русской революции на различные сферы нашего интеллектуального пространства. Пока мы можем лишь нанести несколько штрихов на все еще неполную картину.

«Обновленческая горячка»

Травматическое переживание войны и утешительные ожидания в связи с Октябрем стали определяющими факторами становления целого поколения, мужчин и женщин, родившихся в 1900-е гг. Когда в ноябре 1918 г. Хосе Инхеньерос прочел в Новом театре свою лекцию «Историческое значение максималистского движения», он взывал, прежде всего, к молодой аудитории. «Тем вечером Инхеньерос, как никогда, был близок нашим сердцам», — вспоминал Анибаль Понсе, которому тогда было двадцать лет [5]. Серхио Багу, который также был среди молодых реформистов 1918 г., от имени всего поколения называл 1917 г. годом «обновленческой горячки». «Уже февральская Революция, — вспоминал Багу, — перевела центр внимания с военного вопроса и противостояния между «антантофилами» и «германофилами». Однако именно в Октябре, когда большевики совершили свою революцию, полемика усилилась и ожесточенно сконцентрировалась вокруг социального круга вопросов» [6]. Мика Фельдманн и Иполито Этсебеэре в *Insurrexit*, Хуан Антонио Солари в «*Басес*» («*Основы*»), кордовцы Деодоро Рока, Саул Таборда и Карлос Астрада в «*Менте*» (*Разум*) были первыми из множества голосов молодежи, которая немедленно высказалась в поддержку правительства Советов.

Вместе с молодежью некоторые представители старого поколения переключались с пацифизма на антимилитаризм, а далее на революционный энтузиазм. По этому же пути прошли французские мыслители, чьи книги аргентинцы истово читали в годы Великой войны, среди них Анри Барбюс «*Огонь*», Анатоль Франс «*Боги жаждут*» и Ромен Ролан «*Жан-Кристоф*», они в ту пору ходили в неисчислимом множестве народных (чтобы не сказать «пиратских») изданий. Левые французские интеллектуалы в 1919 г. выпустили журнал «*Кларте*» («*Яс-*

ность»), в котором на одной ступени стояли Просвещение и Революция. В то же самое время, когда в Москве был основан Коммунистический Интернационал, это издание с первых номеров призывало основать «Интернационал Мысли» [7]. Хосе Инхеньерос спешно перевел манифест французских интеллектуалов и предвосхитил интернационал мыслителей в своем «*Ревиста де Философия*» («Философский журнал») [8]. Эхо уже упоминавшегося «*Кларте*» ощущалось и в культурной критике Роберто Ф. Джиусти, Альфредо А. Бьянчи и работе издательства журнала «*Носотрос*» («*Мы*»).

В то время, как Хуан Б. Хусто и Антонио де Томасо дистанцировались от Октябрьской революции, сопротивлялись возникновению какой бы то ни было связи Социалистической партии с зарождающимся Коммунистическим Интернационалом, диссиденты аргентинского социализма, депутаты Альфредо Паласьос, Аугусто Бунхе и сенатора Энрике дель Валье, выражали полное несогласие с ним.

В то же время, некоторые молодые социалисты демонстрировали приверженность новому Интернационалу, а дальше всех в этом зашли «терсеристы» — такие, как Хосе П. Баррейро, Гаспар Мортильяро и многие другие. Ответом Анри Барбюсу и Ромену Ролану прокатился эхом по континенту: «терсеристы» издали в 1920 г. первый номер журнала «*Кларида*» («*Ясность*») в Буэнос-Айресе, в это же время Федерация студентов Чили выпустила «*Кларида*» в Сантьяго. Тремя годами позже молодой студент Виктор Рауль Айя де ла Торре (а после Хосе Карлос Мариятеги) стал публиковать в Лиме перуанский журнал «*Кларида*» с панлатиноамериканскими и международными амбициями. В 1922 г. испанец Антонио Самора, переехавший в Аргентину, опубликовал первые брошюры Издательства «Кларида», которое следующие полвека было культурным центром левого движения обшечконтинентального масштаба

Бум народной культуры

Война и две революции, февральская и октябрьская, совпали со всплеском народной культуры, дешевые книги и брошюры широко продавались за сущие гроши в газетных киосках. Печатник Лоренсо Раньо выпустил под заголовком «Триумф максимализма!» в 1918 г. Конституцию Советской Республики, принятую всего несколькими месяцами ранее. Издания «Ла-Интернасьональ» только что созданной коммунистической партии начали распространять в том же году основные тексты Ленина и Троцкого. Все перипетии Революции освещались дважды в месяц журналом «*Документос де Прогресо*» («*Документы прогресса*») который терсеристы издавали в Буэнос-Айресе с 1919 по 1921 гг. Маленькие издательства такие, как «*Аделанте!*» (*Вне-*

ред!), «Кламор» («Ропот») и «Рах» или коллекции популярных брошюр такие, как «Лас Грандес Обрас» («Великие труды»), «Лос Интеллектуалес» («Интеллектуалы»), «Лос-Пенсадорес» («Мыслители») и «Кларида» ставили творцов Русской революции в один ряд с представителями народной версии пантеона просветительской традиции, где сосуществовали Вольтер и Максим Горький, Вольней и Троцкий, Виктор Гюго и Бухарин, Ницше и Золя вместе с Плехановым. Такие наложения не должны удивлять, если учесть, что видение Русской революции в Аргентине воспринималось по большей части через Францию, а советский процесс считывался через призму революции 1789 г. В первые годы аргентинская пресса транслитерировала фамилию Ленина, как «Lenine» (по-французски). Для нас это было, если можно так выразиться, восприятием восприятия.

Общество друзей России 1925-м году начало выпускать «*Ревиста Ориенталь*» (*Восточный журнал*), где предлагалось осветить для рабочих и интеллектуалов конструктивный труд новой России, все это при участии таких персоналий, как Инхеньерос, Хосе Кардос Мариатеги, Габриэла Мистраль и Альфредо Паласьос, а также новейших авторов: признанного поэта Хакобо Фихмана, и неизвестного сочинителя Рауля Скалабрина Ортиса. Альваро Йунке, Аристокбуло Эчегарай, Сесар Тьемпо и Роберто Мариани немного времени спустя выпустят свою подборку брошюр «Эдисьонес Ой» («Издания сегодня»). Но тем не менее, наиболее крупным центром по распространению популярной культуры левого течения стало издательство «Кларида», которое с 1922 г. стало выпускать в режиме по книге в день все, что только можно было захотеть узнать об СССР, начиная с нового трудового законодательства, путеводителя по стране Советов, заканчивая «Новой моралью» Александры Коллонтай об отношениях полов.

По воспоминаниям Леонидаса Барлетты Октябрь «вызвал глубочайшее воодушевление в народном сознании, в особенности, артистов и интеллектуалов» [9]. Хуану Педро Калоу было всего пятнадцать лет, когда он поэт-анархиста, по совету прочитал «*Жана-Кристофа*» Романа Ролана тогда же, когда разразилась революция в России. Встречи в редакциях газет, издательств и портовых кафе где бывали писатели-либертарики народного происхождения (Николас Оливари, Лоренсо Станчина, Элиас Кастельнуово, Роберто Мариани, Альваро Йунке и др.) приведут к возникновению так называемой Группы Боэдо, общества писателей, которые разделяли политические и эстетические цели русской реалистической традиции. Страницы их журналов «*Динамо*», «*Экстрема искьерда*» («*Крайне левый*»), «*Искьерда*» («*Левый*») стали литературным манифестом анархо-большевизма коммунистической

партии, задолго до того, как многие из их авторов добились признания в 1930-х гг. Авангардисты *Мартина Фьерро*, которых боздисты в шутку окрестили Группой Флориды, радостно высмеивали креольских эпигонов Горького и Андреева, например, в сатирическом сонете, который называется «Федор Элиефф Кагельнуофф», который был подписан «Санта-эн-Чина» [10]. Художественным эквивалентом анархо-большевизма была группа Художников из народа (Гильермо Фасьо Эберкер, Авраам Виго, Агустин Риганелли, Хосе Арато и Адольфо Бельок), в которую входили художники и граверы, выставившие свои произведения в рабочих помещениях в знак приветствия «красной зари».

Из авангарда в авангард

Аргентинские авангардисты, художники и литераторы, в 1920-х гг. вели активный диалог с политическим авангардом, что явствует из поэм молодого Хорхе Луиса Борхеса «Россия» и «Красная гвардия», которые он написал для «*Красных псалмов*» ставших первой его книгой неизданной по решению автора. Однако эти поэмы в 1921-м году выпустил сам Борхес в журнале «*Квазимодо*», в котором просветитель анархо-большевик Хулио Р. Баркос провозглашал «революцию образования», начатую Советской России. Едва вернувшись из Испании Борхес примкнул Буэнос-Айресе к двум молодым революционным поэтам из студенческой группы *Insurrexit*: Франсиско Пиньеро и Эдуардо Гонсалесу Ланусе. Вместе они обошли все улицы города с кистями и мучным клеем, приклеивая плакаты стенгазеты «*Призма*», в которой, обрушиваясь на меркантилизацию искусства, они представляли самих себя «миллионерами жизни и идей», которые вышли «раздарить их, щедро и без остатка тратя избыток молодости, не слушая голоса скупцов своей нищеты». Также стоит заметить, что в своих аполитичных воспоминаниях как Борхес, так и Гонсалес Лануса замалчивают этот юношеский альянс ультраизма и революции [11].

Другой «инсуррекист» в 1920 г. Конрадо Нале Роксло вспоминал в последние годы жизни бесконечные дискуссии на которых ему довелось присутствовать, где «Товарищ», газетчик-анархист, спорил с «кармадом», рабочим-коммунистом [12]. Автор «Сверчка» признавал, что в группе молодежи за одним столом в излюбленном кафетерии «Мистический котел» разногласия «были невозможны, поскольку, все в той или иной мере разделяли левые взгляды» [13].

Нале описывает это общество интеллектуалов, когда припоминает: «Бодлер нас научил литературному презрению к буржуазии, мешанству и было довольно просто перенести его на с Интернационала на «буржуазных свиней». Даже Барлетта признавал, что «Октябрьская

революция настигла всех, прогрессистов или реакционеров». Кроме того, он заявлял: «Последних революция била в грудь и сделала их в полном смысле слова антибуржуями, яркими антибуржуями со своими революционными литературными пируэтами, со своей императивной революцией» [14].

Революция также подстегнула модернистов, писателей поколения 900-х гг. По свидетельству Мигеля Гальвеса почти все были бунтарями «одни — социалисты разной степени, другие — анархисты и провокаторы» [15]. Орасио Кирога и Альфонсина Строни недолго сотрудничали с журналом *Insurrexit*, отсылая неизданные рассказы и поэмы. Некоторые воспринимали причины революции с позиций материалистической философии, в то время как другие это делали на христианских социальных основаниях антилиберального толка, или даже с определенной долей толстовского мистицизма, ориентализма в духе Кришнамурти, теософии (как хирург Лелио О. Сено, первый аргентинец, посетивший Страну Советов) [16], а также спиритуализма, как его понимал Бернабе Морера [17]. Артуро Какдевила, который позже стал признанным консервативным писателем 1929-м году, выпустил *«Апокалипсис Святого Ленина»* биографию лидера большевиков в стихах, написанную в стиле библейского «Апокалипсиса».

Консервативный поворот

Как в любом процессе международного обмена идеями, местное восприятие трактует события через призму своего собственного опыта, проецируя на Россию свои желания и надежды. Так, Хосе Инхеньерос в своих лекциях о советской системе говорил об антипарламентаристской основе и меритократии. В противовес этому, наши анархисты и синдикалисты-революционеры объясняли советский процесс как совет: вместо Государства управляемого большевиками они видели или хотели видеть самоуправление рабочих, солдат и крестьян, что позволяло на страницах их изданий соседствовать Марксу и Бакунину, Толстому и Ленину, Кропоткину и Троцкому. Очевидно, некоторые анархисты предупреждали заранее об иллюзорности восприятия большевиков другими левыми силами, среди них как Эмилио Лопес Аранго в *«Ла-Протеста»* («Протест») [18], украинский анархист, изгнанный в Буэнос-Айрес, Анатолий Горелик в своих брошюрах, или будущий философ Луис Х. Герреро в своих книгах под экслибрисом издательства «Аргонаута» («Аргонавт») [19].

Те колоссальные изменения образа жизни и сознания, которые породила Русская революция не могли не испытать на прочность старые политические течения. Долгое десятилетие, с 1917 по 1930 гг., смешало все идеологические карты, раздав их так, что стали возможны

сочетания идей, которые чуть раньше или чуть позже были бы антагонистичны. Множество представителей столь враждебной русской революции идеологии, как национализм 1930-х и 1940-х гг., — Ramón Doll, Ernesto Palacio, Manuel Gálvez, Carlos Astrada, Saúl Taborda, Luis J. Guerrero, Luis E. Carulla — невозможно было бы представить без юношеского энтузиазма и последующего разочарования в советском опыте (только Астрада в 1950-х гг. вернулся к советскому опыту 1917 г. с позиции марксизма).

Как правило, трудно найти писателей поколения аргентинцев 1900-х гг. (Борхес и Арльт, Скалабрини Ортис и Либорио Хусто), которые смогли отстраниться, хотя бы через пятилетие, от воздействия этого луча надежды, который в годы «Западного декаданса», наконец дошел до востока. Таким было это героическое время революции. Несомненно, позже в тридцатых годах наступает время разочарований и возникает запрос на другую идеологию. Русская революция не ушла от судьбы других революций и, подобно богу Сатурну, поглотила своих собственных детей. Годы спустя анархо-большевики вернуться к истокам, к ортодоксальному анархизму. Лишь некоторые энтузиасты 1917 г. перейдут в ряды коммунистической партии или вдохновят троцкистские группы тридцатых годов. В глазах большинства мужчин и женщин поколения 17-го года революция не выполнила своих обещаний о спасении человечества. Энтузиазм сменился разочарованием. Консервативный поворот Борхеса или Гонсалеса Ланусы, возврат в католицизм Нале Роксло или Гальвеса, национализм Долла, Паласьо или Карульи были ничем иным, как порождением горечи обманутых надежд. Но это уже другая история.

Список литературы

1. Eric Hobsbawm, *Historia del siglo XX*, Crítica, Barcelona, 1996.
2. Andreas Doeswijk, *Los anarco-bolcheviques rioplatenses*, CeDInCI editores, Buenos Aires, 2013. Esta obra se basa en una tesis defendida en 1998. Recientemente, la misma tesis fue reescrita aunque desde un «marco teórico» benjaminiano: Roberto Pittaluga, *Soviets en Buenos Aires. La izquierda de la Argentina ante la Revolución Rusa*, Prometeo, Buenos Aires, 2015.
3. Hace casi dos décadas llamé la atención sobre el Grupo estudiantil antiparlamentario Insurrexit, espacio de tránsito de los universitarios anarquistas al comunismo de izquierdas primero y al trotskismo después, precipitado por la Revolución de Octubre. Véase Horacio Tarcus, «Historia de una pasión revolucionaria. Mika Feldmann e Hipólito Etchebehere, de la Reforma Universitaria a la Guerra Civil Española», en *El Rodaballo*, N° 11/12, Buenos Aires, primavera/verano de 2000. Por su parte, Natalia

Bustelo ha puesto de relieve en una serie de estudios recientes la densa red estudiantil izquierdista que para 1920 postulaba la alianza entre obreros y estudiantes con vistas a realizar ya no la Reforma, sino la Revolución Universitaria. Véase Natalia Bustelo, *La Reforma Universitaria desde sus grupos y revistas. Una reconstrucción de los proyectos y las disputas del movimiento estudiantil porteño de las primeras décadas del siglo XX (1914-1928)*, Tesis, Facultad de Humanidades de la Universidad Nacional de La Plata, 2014; y Natalia Bustelo y Lucas Domínguez Rubio, «Radicalizar la Reforma universitaria. La fracción revolucionaria del movimiento estudiantil argentino (1918-1922)», *Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura*, Vol. 44, N° 2, Bogotá, julio-diciembre de 2017: www.revistas.unal.edu.co/index.php/achsc.

4. Beatriz Sarlo, *Una modernidad periférica: Buenos Aires, 1920 y 1930*, Nueva Visión, Buenos Aires, 1988; Sylvia Saïtta (sel. y pról.), *Hacia la Revolución. Viajeros argentinos de izquierda*, FCE, Buenos Aires, 2007; Sylvia Saïtta, «Intelectuales argentinos en la Unión Soviética», en Ezequiel Adamovsky, Martín Baña y Pablo Fontana (comps.), *Octubre Rojo. Noventa años después*, Libros del Rojas, Buenos Aires, 2008.

5. Aníbal Ponce, *José Ingenieros. Su vida y su obra. Educación y lucha de clases*, Editor J. Héctor Matera, Buenos Aires, 1954.

6. Sergio Bagú, *Vida ejemplar de José Ingenieros*, El Ateneo, Buenos Aires, 1953.

7. Nicole Racine-Furlaud, «Du mouvement à la revue *Clarté*: jeunes intellectuels ‘révolutionnaires’ de la guerre et de l’après-guerre 1916-1925», *Cahiers de l’IHTP*, N° 6, París, noviembre de 1987; Alain Cuénot, «*Clarté* (1919-1928): du refus de la guerre à la révolution», *Cahiers d’Histoire. Revue d’histoire critique*, N° 123, París, 2014.

8. *Revista de Filosofía*, Año VI, N° I, Buenos Aires, 1920. Cuatro años después, en 1924, Ingenieros publica en su *Revista de Filosofía* «La glorificación de Lenin», en ocasión de la muerte del dirigente bolchevique, al que caracteriza como «el más grande estadista de los tiempos nuevos y del nuevo espíritu».

9. Leónidas Barletta, *Boedo y Florida. Una versión distinta*, Metrópolis, Buenos Aires, 1967.

10. Sta. En-China [seud.], «Fedor Elieff Castelnuoff», *Martín Fierro*, N° 16, Buenos Aires, mayo de 1925.

11. Horacio Tarcus, «El amigo ‘rojo’ de Borges», *Clarín*, Suplemento Zona, Buenos Aires, 25-3-01; Horacio Tarcus, «Revistas, intelectuales y formaciones culturales izquierdistas en la Argentina de los veinte», *Revista Iberoamericana*, Vol. LXX, N° 208-209, Pittsburgh, julio-diciembre de 2004.

12. Conrado Nalé Roxlo, *Borrador de memorias*, Plus Ultra, Buenos Aires, 1978.

13. *Ibid.*

14. Leónidas Barletta, *op. cit.*

15. Manuel Gálvez, *Amigos y maestros de mi juventud*, Hachette, Buenos Aires, 1958.

16. L. O. Z. [Lelio O. Zeno], *La democracia de febrero de 1918*, S. P. D. I., Buenos Aires, s/f [c. 1918].

17. Daniel Omar de Lucía, «Luz y verdad. La imagen de la revolución rusa en las corrientes espiritualistas», *El Catoblepas. Revista crítica del presente*, N° 7, septiembre 2002.

18. Andreas Doeswijk, *op. cit.*

19. Acaso la obra más notable de Argonauta fue *Hacia una sociedad de productores*, una selección de artículos de *L'Ordine Nuovo*, la revista que editaba Antonio Gramsci en Turín, en lo que constituye la primerísima difusión del pensamiento gramsciano en cualquier idioma. Véase Horacio Tarcus, «Gramsci y sus textos cautivos. A 50 años de los *Cuadernos de la cárcel*», *Clarín*, suplemento *Cultura y Nación*, 19-3-1998.